

РАНХиГС предлагает дополнить полисы ОМС информацией об отношении к изъятию органов ее держателя, это поможет сформировать всероссийскую базу потенциальных доноров.

Система передачи органов одного человека другому в России практически не работает и приводит к судебным разбирательствам, констатировали ученые Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС) в направленной в правительство аналитической записке «О донорстве органов человека и их трансплантации». В записке, с которой ознакомились «Известия», для исправления ситуации исследователи предлагают провести всероссийский опрос населения о том, как каждый из россиян относится к передаче своих органов после смерти для спасения других жизней. По мнению специалистов РАНХиГС, отношение к трансплантации органов можно будет вписать в полисы ОМС.

В России остро стоит проблема пересадки органов для нуждающихся в них людей, показатель общей нужды в органах находится на уровне 9 тыс. операций в год, реализуется от которого всего 16%, считают в РАНХиГС, а операции по трансплантации делают только в 24 субъектах РФ из 85. В то же время с 2013 года и по конец 2014-го в США было выполнено 28,9 тыс. пересадок (в 20 раз больше, чем в России), в Великобритании – 4655 трансплантаций (в три раза больше), в Бразилии – 7650 (в пять раз больше).

Как правило, донорами для большинства операций выступают умершие люди – продавать органы в России запрещено законом (ст. 1 Федерального закона №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»). Известить о своем желании отдать себя на органы можно, составив и заверив завещание или словесно, заявив об этом в присутствии родственников и незаинтересованных свидетелей или сообщив уполномоченным органам (п. 6 ст. 47 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Если же не выполняется ни одно из этих условий, медицинская организация может изъять у человека органы сразу после его смерти (ст. 8), то есть действует «презумпция согласия» (так она именуется в законе).

Наличие ответа от родственников об отношении к расчленению трупа закон не предусматривает, что нередко становилось причиной резонансных судебных разбирательств, указывают в РАНХиГС. Так, истцы (часто это были родственники расчлененных) указывали на ст. 5 ФЗ «О погребении и похоронном деле», где

прописывается возможность изъятия органов или тканей только с согласия родственников. В ходе одного из разбирательств (в конце 2003 года саратовские врачи изъяли почки у погибшего молодого человека, не сообщив о своем намерении матери погибшего, что стало причиной судебных разбирательств) дело дошло до Конституционного суда, который определил возможность изъятия в российском праве «презумпцией согласия».

«Презумпция согласия базируется, с одной стороны, на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти близкого человека либо непосредственно перед операцией или иными мероприятиями лечебного характера вопрос об изъятии его органов или тканей, а с другой стороны – на предположении, обоснованном фактическим состоянием медицины в стране, что на современном этапе развития трансплантологии невозможно обеспечить выяснение воли указанных лиц после кончины в сроки, обеспечивающие сохранность трансплантата», – указал суд.

Тем не менее подобные судебные споры продолжали возникать. В 2013 году условия трансплантации были уточнены в новом законе (ФЗ «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)»), который сейчас находится на рассмотрении в Госдуме.

В проекте закона (есть у «Известий») прописывается, что перед изъятием органов медицинское учреждение обязано известить до вскрытия тела пациента его родственников, которые, в свою очередь, могут запретить трансплантацию (п. 2 ст. 19) и тогда «изъятие органов не допускается». Правда, если в течение двух часов после констатации смерти попытки связаться с семьей умершего не увенчались успехом, он становится донором по умолчанию, как это прописано в старом законе.

– Получается, это положение сводит на нет презумпцию согласия, так как обращение сразу после смерти лица к его родственникам для получения согласия неэтично и может вызвать ожидаемую негативную реакцию, – полагает юрист, глава московского филиала Центра медицинского права Андрей Карпенко.

В связи с «искушенностью» родственников представители РАНХиГС предлагают вернуться к мнению самого потенциального донора. Решение о донорстве органов в случае смерти можно вписать в страховые полисы ОМС, предлагают в РАНХиГС, а впоследствии создать всероссийскую закрытую базу доноров, какие уже существуют в

ряде стран Европы, Северной и Латинской Америки.

– В случае введения принципа испрошенного согласия такие люди станут основным ресурсом донорских органов для трансплантаций. Необходимо предусмотреть защиту данных о волеизъявлении гражданина в целях исключения возможных злоупотреблений, – пишут в РАНХиГС. – Также требуется формирование базы посмертных доноров, базы прижизненных доноров и базы реципиентов.

К примеру, решение граждан относительно донорства можно собирать при посещении ими медучреждений, считает директор экспертно-аналитического центра РАНХиГС Николай Калмыков.

– Важно сделать систему гибкой, при этом также важно, чтобы, как вариант, участковый врач мог хорошо ознакомить граждан со всеми последствиями их решения, – добавляет он. – С тех же граждан, которых по каким-либо причинам невозможно будет опросить, необходимо собрать контакты ближайших родственников, которым можно доверять, остальных же внести в стоп-лист.

В целом, по данным Минздрава, пересадка органов в России используется все чаще – с 2012 по 2014 год число пересадок в России увеличилось в два раза – до 1,5 тыс. операций в год, из них около 1 тыс. трансплантаций почки (рост в 1,7 раза), около 300 пересадок печени (рост в три раза); 200 – сердца (в 15 раз чаще), несколько десятков трансплантаций поджелудочной железы и легкого.

Несмотря на увеличение количества пересадок, россияне пока что боятся решать, готовы ли они отдать себя на органы после смерти. По данным «Левада-центра» за 2013 год, только 51% были бы готовы принять какое-либо решение по этому вопросу. Мнение же определившихся с выбором тогда разделилось примерно поровну: 22% были готовы отдать свои органы, 15%, напротив, зарегистрировали бы свое несогласие. Во многом это связано с низкой информированностью – тогда только 15% опрошенных смогло продемонстрировать свою осведомленность касательно действующего законодательства.

– Большинство россиян не знают, что есть «презумпция согласия», поэтому ясно, что

законодатель слукавил, объявив презумпцию – молчаливая презумпция без хорошей информированности населения не соответствует определению правового государства, – подчеркивает Карпенко из Центра медицинского права. – Осведомленности могла бы добавить элементарная реклама.

По мнению юриста, информацию можно вписать и в паспорт – по аналогии с группой крови (по желанию гражданина указывается на 18-й стр.) – или же на водительских правах, как это принято в США.

Но такой подход через открытую публикацию на носимых документах, по данным «Левада-центра», поддерживает меньшинство (12%), большинство (40%) предпочли бы отметку только в закрытых регистрах. В целом отдать свои органы незнакомцу (как посмертно, так и прижизненно) в 2013 году были готовы всего 8% россиян, несмотря на то что саму идею пересадки органов как метода лечения поддерживали 39% опрошенных, из них только посмертную – 25%. Готовность молодого поколения во многом отличается от позиций более старших возрастов, отмечали специалисты «Левада-центра»: молодежь выражала более оптимистичный настрой, нежели люди старшего поколения.

Пока донорство органов в России спотыкается о неоднозначное общественное мнение, опрашивать граждан рано – велика вероятность получения подавляющего большинства отказов, предупреждает руководитель проекта социальной сети доноров DonorSearch Руслан Шекуров. На текущий момент, считает он, лучше оставить действующей систему «донора по умолчанию».

– Многие подвержены различным мифам, страшилкам о нелегальной трансплантологии и «черных трансплантологах», которые активно подогреваются СМИ. И в первую очередь это касается детской трансплантологии – общество с крайним недоверием относится к детскому органному донорству, – отмечает директор компании «МедИндия» Анна Вербина. – Мы работаем с ведущими клиниками Индии, возим туда лечить российских детей для пересадки им донорских органов и можем наблюдать, как донорство развивалось в этой стране. Буквально за последние 15 лет Индия выстроила прекрасно работающую инфраструктуру для трансплантологии, и главную роль здесь сыграла работа с общественным мнением.

Чаще всего причиной исков к больницам или самим трансплантологам является как раз

низкая осведомленность россиян, которые стараются оспорить «презумпцию согласия», соглашается Карпенко.

– У нас консультировались сами врачи, перед тем как проводить операцию по извлечению органов, даже когда заведомо не могли связаться с родственниками. Получив заверения от нас, что их действия законны, они все равно продолжали бояться последствий и отказывались проводить операции. Впрочем, вы сами можете заметить, что в последние несколько лет число судебных разбирательств резко упало, что говорит об элементарной боязни врачей иметь дело с посмертной трансплантацией.

Наличие же четкой воли гражданина по вопросу жертвования органов упрощает ситуацию, это, теоретически, должно снизить количество исков к докторам, считает юрист. В отношении же тех, кто все равно не впишет свое решение или откажется это делать, новый закон о донорстве неидеален.

– В суде можно будет, к примеру, оспорить как таковой звонок родственникам – врачи могут звонить, но не дозвониться или же и вовсе не идентифицировать родственника, уполномоченного давать согласие, – замечает Карпенко.

Если же большинство граждан действительно решит отказаться от посмертной трансплантации, проблему недостатка донорских органов можно будет решить с помощью легализации так называемого терапевтического клонирования (согласно доводам РАНХиГС, всего их два вида, второй более известный населению – репродуктивный), в процессе которого из стволовых клеток выращиваются определенные органы прямо в организме больного. Эксперты РАНХиГС предлагают издать для него отдельный закон – сейчас статус такого клонирования в законе РФ не определен вовсе.

На запрос об этом и других предложениях РАНХиГС Минздрав не дал ответа «Известиям».

Источник: [Известия](#) , 11.01.16

Автор: **Погосян А.**